

Проблемы российского общества в свете воспитания демократии в греческой античности

Георгий Леонидович Ильин,

профессор МПГУ, МГГУ, доктор педагогических наук, gor-946@yandex.ru

• образование граждан • ценности образования • парадоксальность образовательных ситуаций • исторические параллели • Россия, Афины • Персия, Спарта •

Обозреватель «Радио «Свобода» Б. Парамонов, комментируя беседу с ныне покойным И. Бродским, подчеркнул мысль о том, что политическому деятелю нельзя много читать и стремиться к образованности, поскольку это способствует увлечению отвлеченными идеями и доктринами. Он должен реагировать на реальную, конкретную политическую ситуацию, видеть её ясно и непредвзято. Нет ничего страшнее властного политика, реализующего свои или книжные идеи.

Мы далеки от такого рода крайней точки зрения. Конечно, можно не считать образованность необходимой для правителя, поскольку в истории человечества необразованных правителей было значительно больше, чем образованных, какими бы критериями образованность ни задавать, но нельзя не признать её желательной. И всё же попробуем разобраться в такого рода точке зрения.

Сформулируем проблему шире: каким должно быть образование обычного человека, который хотел бы стать государственным служащим или предпринимателем? Что должно лежать в основе его образования? На какие ценности оно должно ориентироваться? И насколько оно необходимо в современном мире?

И тут возникает вопрос о связи государства с обществом, интересов государства и ин-

тересов общества, насколько они соответствуют друг другу, и как образование могло бы способствовать их соответствию. Издревле известны две основные формы правления: монархическая и республиканская (единоличная и демократическая). Монархическое правление ныне не современно, напротив, демократическое, при всех различиях его понимания, является весьма злободневным. Так как следует понимать демократию в связи с современным образованием российского общества?

* * *

Для обсуждения этой вечно актуальной проблемы обратимся к античным авторитетам, представителям афинской демократии. Предлагаем вниманию читателя платоновский диалог не по тем соображениям, что будто бы в современной Российской Федерации возникла демократия, аналогичная древнегреческой афинской (сходства между ними вряд ли больше, чем между «Лотосом» — стиральным порошком и цветком лотоса — символом чистоты и забвения у древних египтян или современной эстрадной Мадонной и Мадонной католической). Сходство, на наш взгляд, в другом — в парадоксальности образовательных ситуаций в Древней Греции и современной России.

В данном диалоге греческая демократия на вершине своего расцвета устами уче-

нейшего из своих мужей (Сократа) в пересказе Платона поучает молодое поколение в лице Алкивиада, ставя ему в пример достижения своих противников — лакедемонян (спартанцев) и персов. Позднее Платон, ученик Сократа, сочинит свою «Утопию» — проект идеального государства, вдохновляясь, в частности, всё той же Спартой, построенной на законах Ликурга. Ксенофонт, другой ученик Сократа, напишет восторженную «Киропедию» как образец воспитания государственного правителя. «Киропедия» означает «Воспитание Кира». Кир Старший, завоеватель Месопотамии, Вавилона, Малой Азии и большей части Средней Азии, освободитель евреев из вавилонского плена, был для того времени такой же фигурой, какой для последующих поколений стал Александр Македонский, а позднее Чингиз-хан или Наполеон. И это при том, что деспотический характер персидской империи был хорошо известен: в «Персах» Эсхила Персия «в наряде рабском гордо шествует». Позднее добродетельный Плутарх будет восхищаться государственным устройством Спарты (ограниченной монархии), видя в нём убежище от разгула политических страстей римской империи, отошедшей от республиканских идеалов.

Парадоксальность состоит в том, что развитая греческая демократия стремится к монархическому правлению своего исторического врага — Персии, видя в нём основу воспитания. Разумеется, описывая процесс обучения и воспитания будущего царя царей, греческие философы лишь проецировали на персидскую действительность собственные представления об идеальном воспитании граждан. Это завершилось эпохой дикого произвола деспотического правления римских цезарей, затмивших к тому времени даже мрачную славу восточных деспотов. Не так же ли видят свою задачу нынешние реформаторы отечественного образования, стремящиеся отыскать в лагере своих в прошлом военных, а ныне экономических, политических и идеологических соперников образцы для подражания, как проекцию собственных идеалов?

Парадоксальность, которая в отношении Древней Греции создавалась вследствие обращения демократии к деспотическому

правлению в поисках образца для подражания, в современной Российской Федерации возникает в результате обращения одной из самых в прошлом образованных стран к образовательному опыту своих едва ли более образованных соседей. Именно в этом проявляется сходство образовательных ситуаций Греции и Спарты времён Перикла и Ликурга и современного Российского государства с его евроамериканскими образцами образовательной политики.

В приводимом диалоге, обсуждая проблему воспитания государственного деятеля, Сократ признаёт, что афиняне не могут соперничать с персами и лакедемонскими царями ни в знатности рода, ни в богатстве, ни в возможностях воспитания. И, тем не менее, борьба неизбежна. Вопрос в том, что могут противопоставить афиняне своим противникам.

Сходным образом может быть определена и задача российского образования: оно не может соперничать с системами образования экономически более развитых стран ни по древности университетских традиций, ни по объёму финансирования, ни по техническому оснащению учебного процесса. И сходство ситуации не теряется от того, что военное противостояние сменяется в наше время противоборством экономическим, политическим и идеологическим.

Итак, посмотрим, чему нас учит Платон устами Сократа¹.

Алкивиад: Те, кто вершат у нас государственные дела, за исключением немногих, — люди необразованные.

(Вот уж поистине, всё течёт, но ничего не меняется — будто и не прошло с тех пор две с половиной тысячи лет, будто не Алкивиад, ученик Сократа, произносит эти слова, вернувшись с форума, а наш современник, глядя по телевизору на заседание Государственной Думы России.

Здесь проблема, которая нас интересует: действительно ли очевидная в буквальном смысле для каждого телезрителя глупость и необраз-

¹ Платон. Диалоги. Алкивиад I. М.: Мысль, 1986.

ванность «избранников народа» является исторически неизбежным атрибутом государственных мужей в глазах подданных или же она выступает результатом демократизации общественной жизни, процесса, общего для древних Афин времён Сократа и для современной России, сделавшего предметом гласности движения государственного механизма в лице его представителей и приведшего к тому, что «глупость каждого видна стала»? Является ли видимая необразованность государственных мужей следствием политической борьбы, которую они ведут друг с другом, или же их особого положения и особых требований, которые к ним предъявляются? Быть может, как писал Монтень, «это получается оттого, что в них ищут и от них ожидают большего, чем от других людей, и им не прощаются обычные недостатки; или, может быть, сознание собственной [значимости] придаёт им смелость выставлять себя напоказ и важничать, чем они выдают себя и сами себе причиняют ущерб»².

Сократ: Ну и что же?

(Реплика знаменательна — Сократ не возражает; это не просто поощрение собеседника к развитию мысли; это и своего рода словесный жест, означающий недоуменное разведение рук: мол, что же с этим поделаешь).

А.: Если бы они были хоть сколько-нибудь образованны, тому, кто попытался бы с ними соперничать, следовало бы выступить против них во всеоружии знаний и навыков. Но поскольку и они совсем неумело приступают к государственным делам, для чего же мне биться над обучением и упражнениями? Ведь я уверен, что весьма сильно превосхожу их своими природными свойствами.

(Не правда ли, чрезвычайно характерное заявление? На наш взгляд, оно может служить объяснением атрибутивности отмеченной выше особенности государственных мужей: каждый из них, стремясь к власти, мог руководствоваться тем же рассуждением. Единственное, что требуется от претендента — убежденность в превосходстве

от претендента — убежденность в превосходстве

над другими по своим природным качествам).

Но Сократ выливает на своего собеседника ушат холодной воды.

С.: Досадую, что здешних людей ты считаешь своими достойными соперниками.

А.: Но кого же я должен такими считать?

С.: Послушай, если бы тебе пришло на ум повести в бой морскую триеру, достаточно ли было бы тебе оказаться самым искусным кормчим в команде? Или же ты считал бы, что это необходимое условие, но надо ещё считаться с истинными противниками, не так, как ты это полагаешь сейчас, только со своими соратниками? Этим последним ты должен превосходить настолько, чтобы они и думать не смели с тобой соперничать, но наоборот, чувствуя твоё превосходство, содействовали бы твоей борьбе с врагом.

А.: Да, именно это я и задумал.

С.: Значит, ты будешь вполне удовлетворён, если окажешься сильнее наших воинов, и не станешь стремиться к тому, чтобы превзойти вождей наших противников, наблюдая их и примеряясь к ним в своих упражнениях?

А.: Каких противников ты имеешь в виду, мой Сократ?

С.: Разве ты не знаешь, что город наш всякий раз вступает в борьбу с лакедемонянами и Великим царём?

(Надо признать, что у современной России имеются свои лакедемоняне и великие цари, однако, похоже, что состязание с соперниками в том, кто из них наиболее искусный кормчий, занимает наших правителей гораздо больше, чем подлинный противник).

А.: Да, ты прав. Впрочем, я полагаю, что лакедемонские военачальники и персидский царь мало чем отличаются от всех прочих.

С.: Но, милейший, рассмотри повнимательней это своё мнение. Посмотрим, прежде

² Монтень М. Опыты. М.: Правда, 1991.

всего, сопоставив наши и их достоинства, из худших ли родов происходят цари лакедемонян и персов: или мы не знаем, что первые ведут свой род от Геракла, вторые же от Ахемена и что оба этих рода восходят к Персею, сыну Зевса?

А. Но мой род, Сократ, восходит к Еврисаку, а род Еврисака к Зевсу.

С. Да и мой род восходит к Дедалу, Дедал же происходит от Гефеста, сына Зевса. Однако всё их потомство? цари, происходящие от царей; мы же, напротив, частные лица, равно как и наши отцы. Разве ты не знаешь, сколь велико могущество лакедемонских царей и что жёны в их государстве охраняются эфорами, дабы, по возможности, предотвратить тайное рождение царя не от потомков Геракла. А персидский царь обладает таким превосходством, что никто не смеет и подозревать, будто его сын родился не от него. Когда же, Алкивиад, появляемся на свет мы, то, по выражению комического поэта, едва ли и соседи наши это замечают.

(Далее Платон устами Сократа описывает воспитание царского сына, что, впрочем, гораздо обстоятельнее сделано Ксенофотом в «Киропедии»).

После того, как им стукнет четырнадцать, мальчиков отдают в руки тех, что именуются у них царскими наставниками; это четверо избранных достойнейших людей среди персов, достигших преклонного возраста: наимудрейший, наисправедливейший, наирассудительнейший и наихрабрый. Один из них преподаёт магию Зороастра, сына Ормузда: суть её — в почитании богов. Кроме того, он преподаёт царскую науку. Самый справедливый учит правдивости в течение всей жизни. Самый рассудительный — не подчиняться никаким наслаждениям, дабы выработать у себя привычку быть свободным человеком и истинным царём, в первую очередь, властвуя над своими собственными порывами, а не рабски им повинясь. Тот же, что мужественнее всех, делает юношу храбрым, не знающим страха, ибо, если он боится, он раб.

А.: Послушай же, милый, меня и того, что начертано в Дельфах: познай самого себя

и пойми, что противники твои таковы, как я говорю, а не такие, какими ты их себе мыслишь. Мы ничего не можем им противопоставить, кроме искусства и прилежания.

(Итак, мы подошли к кульминационному пункту беседы: к определению того, чему следует учить и как должно быть организовано обучение государственного политика, достойного своих великих противников).

С.: Ну а как ты назовёшь науку тех, кто занимается государственными делами?

А.: Я бы назвал её наукой о здравомыслии.

С.: Прекрасно. Далее: то здравомыслие, о котором ты говоришь, на что оно направлено?

А.: На то, чтобы наилучшим способом управлять государством и обеспечивать его безопасность.

С.: А присутствие или отсутствие каких вещей обеспечивает государству наилучшее управление и сохранность?

А.: Мне кажется, мой Сократ, что этому способствуют дружелюбные взаимоотношения и отсутствие ненависти и мятежей.

(Известный идеализм Платона, рупором которого становятся Сократ и его собеседник, проявляется в том, что, указывая на ненависть и мятежи как на причину государственного неурядица, он видит их происхождение в отсутствии добродетели у граждан. Эта добродетель состоит в знании самого себя, и именно своей души. Однако у идеализма есть свой *raison d'être*, иначе он не сохранился бы в такой свежести до наших дней. При всей размытости понятия добродетель, оно остаётся регулятором человеческого поведения, соответствующего идеалам общества).

Вкратце суть беседы древних собеседников можно изложить следующим образом.

Образование необходимо, особенно правителю.

Содержание образования — наука здравомыслия, в основе которой лежит добродетель.

Задача, решаемая этой наукой, — управление полисом и обеспечение его безопасности.

Необходимые условия решения задачи — дружелюбные отношения между гражданами (скажем так, гражданский мир).

Основа такого правления: познание самого себя и забота о государстве как о себе самом. Государство при этом мыслится как единый организм с единой волей и согласованным разделением функций — монархическое правление.

Эти рассуждения могут показаться кому-то не только докучными, но и банальными, а кому-то наивными, особенно в свете нравственных принципов «Государя» Макиавелли, но как нравственная основа массовой подготовки государственных служащих и руководителей, они сохраняют свою актуальность по сей день. В любом случае с ними следует согласиться. Правда, ныне от руководителя требуется не только добродетельное поведение как пример для подражания подчинённых, но и умение работать с людьми, каковы они есть, со всеми их достоинствами и недостатками.

В связи с этим характерно высказывание М. Вебера, видного современного исследователя, сделанное при обсуждении этики политической деятельности, названной им этикой ответственности в противовес религиозной этике убеждения: «Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурыдными человеческими недостатками, он... не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть»³.

Иными словами, если для Платона задача управления — создание надёжной системы

управления ставится задача создания надёжной системы из имеющихся, в том числе ненадёжных элементов.

* * *

Как приверженцы демократии, греки-афиняне превыше всего ценили свободу личности, презирали рабство и, казалось бы, в этом были близки многим нашим современникам. Но, с другой стороны, как люди, хлебнувшие демократии раньше всех и в полной мере, они видели и её мрачные стороны. И не потому ли целью воспитания ставили умение управлять собой как условие управления государством?

Рабство — это не только покорность сильному (внешнее рабство), но и неспособность управлять собой (внутреннее рабство). Рабская душа во втором значении — душа, находящаяся во власти страстей. Освобождённый раб останется внутренним рабом, если не овладеет своими страстями, которые пробуждает внешнее освобождение; соответственно, внутренне свободный человек и в рабстве остаётся свободным (Пушкин назвал это «тайной свободой»). Рабами не рождаются, рабами становятся. Демократия, освобождая от внешнего рабства, вместе с тем может способствовать внутреннему порабощению людей, проявляющемуся в разгуле общественных страстей. Отсюда значение добродетели, как регулятора поведения и помыслов людей, осознанной Сократом.

Ныне слово «добродетель», как и слово «целомудрие» и многие другие подобного рода, воспринимается иронически. Многие ли смогут определить слово «добродетель»? И не только ныне, как свидетельствует Монтень из XVI века: «Крикните нашей толпе о ком-нибудь из мимоидущих: «Это учёнейший муж!» и о другом: «Это человек, исполненный добродетели!», и она не преминет обратить свои взоры и своё уважение к первому». Как и греческие мудрецы, представитель позднего Ренессанса, эрудит, перегруженный знаниями, грустно замечает: «Если бы всеобщее стремление разбогатеть, чего в наши дни можно достигнуть при помощи юриспруденции, медицины, преподавания, да ещё теологии, не поддерживало авторитета науки, мы бы видели её, без сомнения, в таком же пре-

³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

из надёжных (добродетельных) элементов, то для современного управ-

небрежении, в каком она находилась когда-то. Как жаль, однако, что она не учит нас ни правильно мыслить, ни правильно действовать! После того, как появились люди учёные, нет больше хороших людей»⁴.

Афинские мудрецы не напрасно возлагали свои надежды на нравственное воспитание, видя вокруг себя людей хотя и свободных от внешнего рабства, но лишённых добродетели, не способных управлять ни собой, ни другими людьми. Они потому и ставили в пример афинянам монархические государства, что в них внешнее рабство способствовало, как им казалось, воспитанию добродетели. Добродетель, предполагающая общую нравственную ценность, необходима, считали они, какими бы средствами она ни утверждалась.

Позднее христианство основной добродетелью сделало любовь к богу и построило на ней свою культуру, дожившую до наших дней. Наше время со всё большей настойчивостью выдвигает в качестве высшей ценности, а следовательно добродетели, свободу личности, взамен традиционных общественных ценностей, таких как благо отечества, забота о близких и благодарная память о предках.

Исторически судьбу собственно афинской демократии нельзя признать счастливой: в долгой борьбе с лакедемонянами, искусно поддерживаемой персами, она, в конечном счёте, полностью проиграла, подмятая Спартой. Утешением может служить лишь то, что впоследствии образовательные идеалы греческой демократии были если и не реализованы, то, несомненно, использованы, хотя совсем не демократическим государством и вовсе не на основе греческой добродетели: мятежный ученик Платона, Аристотель, стал воспитателем Александра Македонского, захватившего персидскую империю, созданную Киром и его преемниками, а мимоходом и все греческие полисы.

Заметим, что любимец Сократа и его собеседник в приведённом выше диалоге Платона, — яркий продукт или представитель афинского образования. Алкивиад — талантливый, образованный, обаятельный, блестящий полководец и политик-оратор, активный, но беспринципный деятель Пелопонесской войны, выступавший на стороне

всех её участников и, тем самым, ставший косвенным виновником военного поражения Афин, в плане реализации геополитических замыслов греков оказался пустцветом. Не была ли тому причиной греческая демократия или греческая образованность? Возможно ли воспитание добродетели как стремления к общему благу в демократическом обществе, раздираемом распрями? Только ли в распрях причина поражения греческой демократии? Наконец, способно ли образование воспитывать добродетель или же это не более чем идеал, к которому оно стремится, желаемая, но не действенная его социальная функция?

Наши примеры свидетельствуют об обратном. Монтень писал: «Занятия науками скорее изнеживают души и способствуют их размягчению, чем закаляют и укрепляют их. Я полагаю, что Рим был гораздо могущественнее, пока там не распространилось образование»⁵.

Дотошный читатель, привыкший увязывать концы с началами, может спросить: это всё мнения и вопросы, а где же ответы, в чём смысл вашего сравнения Афин с современной Россией, какой следует сделать вывод, значит ли это, что образование не нужно или даже вредно не только политикам, но и обычным людям, что российскому образованию демократия вредна или должна использоваться *cum grano salis*, понемногу, что образование ослабляет государства, или что образование даёт знание, но не мудрость? Образованные люди, скажите, наконец, как следует понимать то, что происходит с российским государством?

Чтобы не оставить без внимания эти вопросы, продолжим наше исследование и обратимся к спартанскому образу жизни, в котором Сократ, Платон, Плутарх и многие другие находили образцы для подражания в воспитании гражданской добродетели.

* * *

В самом начале было задано направление исследования: греческая демократия представляет для нас интерес в свете

⁴ Монтень М. Опыты. М.: Правда, 1991.

⁵ Там же.

событий современной Российской Федерации. Названа парадоксальность как общая черта, объединяющая поиски образовательного идеала двух исторических эпох. Но есть ещё одно общее, не черта, а целый их комплекс, роднящий, но уже не Афины, а Спарту с Советским Союзом, и даже со всем бывшим социалистическим лагерем.

Остановимся на этом подробнее. Известный историк Д. Тойнби, анализируя оттоманскую и спартанскую системы, обнаружил их поразительное сходство, которое нельзя было объяснить заимствованием. Такое же сходство можно усмотреть в советской и спартанской системах. Советская система, будучи исторической преемницей Российской империи, явилась сравнительно недавним историческим образованием, вместе с тем, именно в ней это сходство получило наибольшее развитие.

Российское государство, а затем империя, создавалось на протяжении многих столетий, точно так же, как создавались другие государства и империи, в отличие от краткой спартанской истории. Со Спартой Российское государство роднит способ расширения государства за счёт соседних территорий. Подобно тому, как спартанцы, завоевавшие Мессению с целью жить и благоденствовать на новых землях, вынуждены были напрячь все силы, чтобы удержать её, русская нация, завоеывая всё новые территории с целью усиления могущества и процветания государства, вынуждена была напрягать все силы для их удержания и тем в большей степени, чем значительно становилось государство. И чем шире становились его границы, тем большее число противников и большее сопротивление своему расширению оно встречало.

Подобно Спарте, выковавшей в Мессенских войнах непобедимое военное государство, Российское государство, начиная с Ивана III и, особенно, Петра I, строится как орудие расширения и удержания территорий. Непрерывные войны, которые вело государство с тех пор то на западных, то на восточных, то на южных границах, наложили отпечаток на общественную жизнь и национальный характер россиян. Николай I завершил замысел Петра I по созданию государственной системы, управля-

мой волей и законами просвещённого государя и вместе с тем исчерпал возможности её развития.

Советское государство с его мечтой о мировой революции и необходимостью борьбы с врагами революции, как внешними, так и внутренними, с приоритетом государства над личностью, с его всеобщей трудовой и воинской повинностью не было для России чем-то новым и тем более чуждым. Оно лишь воспроизвело в новых исторических условиях и для решения новых задач те исторические традиции, которые пытались изменить либералы и реформаторы, начиная с 50-х годов XIX столетия. И именно потому, что эти традиции сохранились и сохранили свою действенность, советское государство смогло восстановиться в границах Российской империи, и не только выстоять и победить во второй мировой войне, но и расшириться, установив *Rex sovetica* на территории, превосходящей территории существовавших до тех пор империй.

Но подобно велосипедисту, который может оставаться в седле, только двигаясь, и падает, остановившись, военизированная государственная система могла жить и развиваться, лишь воюя с внешними и внутренними врагами, и ослабела, попав в условия «мирного существования». Афганская война стала соломинкой, переломившей хребет перегруженному верблюду советской экономики, ослабленному «оттепелью» и «застоем» и добитому катастрофическим падением цен на нефть.

Есть много общего у систем обучения и воспитания в Спарте и Советской России: раннее бессемейное воспитание, совместное обучение юношей и девушек, фратрии и пионерские отряды, широкое применение средств общественного порицания и поощрения, воспитание самоотверженности и гражданской доблести. Как и в Спарте, в Советской России формирование личности происходило под сильным влиянием общественного мнения. Тем самым личность, являясь продуктом социальной системы, выступала в то же время её создателем.

В сфере семьи и брака тоже было немало сходства. Так на вопрос иностранца, существует ли у спартанцев наказание за прелю-

бодееяние, был ответ: прелюбодееяние неизвестно у нас (вспомним знаменитый ответ участницы телемоста — «секса у нас нет»). Спартанскому обычаю общественного порицания холостяков вполне соответствовал известный налог за бездетность.

Сходной была и социальная структура: илотам и спартиатам в Спарте соответствовали крестьянство и рабочий класс, а, вернее, беспартийные и партийные массы в Союзе; партийным функционерам соответствовали эфоры — блюстители общественного порядка и нравственности; Верховному совету — герусия, совет старейшин. Даже криптиям — тайным ночным убийствам наиболее активных, недовольных и просто выделяющихся среди прочих умом или волей илотов соответствовали тайные ночные аресты инакомыслящих в Союзе.

Как и Спарта, резко отличавшаяся образом жизни от других греческих государств, Советская держава выбрала свой путь развития, отличный от других цивилизованных государств. Как и Спарта, Россия дорого заплатила за своё своеобразие. Пока другие государства, особенно после Второй мировой войны, продолжали интенсивно развиваться, советская страна застыла в положении «на страже мира», выполняя интернациональный долг (как заигравшийся мальчик из известного школьного рассказа Л. Пантелеева «Честное слово»), тратя огромные материальные и интеллектуальные усилия на решение задачи сохранения имперской государственной политики, экономического и политического единообразия на огромной территории стран социалистического лагеря, Pax sovetica.

Особенно это стало ясно с началом «перестройки». «Народ-воин, представ перед необходимостью налаживать связи со своими соседями на мирной основе, оказался к этому не готов в силу сложившихся и закостеневших институтов, обычаев и этоса. Качества и навыки, выработанные для решения локальных проблем и прекрасно показавшие себя в прошлом, утратили свою действенность перед лицом проблем более широких. Старый запас, призванный облегчить тяготы пути, стал ненужным и обременительным грузом. Идеально подогнанные к условиям прошлого, социальные институты превратились в твердыню, не поддаю-

щуюся ни малейшим изменениям»⁶. Так Тойнби пишет о причинах деградации Спарты, но, не правда ли, кажется, будто он описывал причины развала советской империи.

«Контраст между поведением спартанцев дома и за границей был просто разителен. У себя дома спартанцы по-прежнему демонстрировали образцы дисциплины и отсутствия интереса к окружающему, но, оказавшись за границей, они просто преобразались, проявляя себя с прямо противоположной стороны»⁷. А это описание соответствует периоду, предшествовавшему «перестройке».

Период современной Российской истории, к которому относится дальнейшее описание, предлагается идентифицировать самостоятельно. «В 371 г. до н. э. большинство спартиатов служило за пределами Лаконии на территории других эллинских государств, бывших когда-то добровольными союзниками Спарты. Теперь этот союз поддерживался только военной силой, позволявшей, кстати, удерживать за собой и главные административные и государственные посты, на которых спартанцы прославились на всю Элладу крайней бестактностью, жестокостью и коррупцией. Эти самые спартиаты, которые в мирной жизни порочили имя спартанца, без сомнения проявили бы традиционные спартанские доблести, поставь их Судьба в те условия, для которых они собственно и воспитывались. Спарта демонстрировала полную неспособность освоить невоенные формы контактов.

К тому же победа Спарты над Афинами в великой войне 431–404 г. до н.э. подточила мощь Спарты другим, более тонким путём. Спарта оказалась перед необходимостью введения товарно-денежной экономики, от чего её народ всячески уклонялся. Освоение новых форм экономики меняло, в свою очередь, отношение к частной собственности. Традиционно Ликургова система не допускала купли-продажи земельного надела. Но уже в IV в. до н.э. высший орган государственного управления, коллегия эфоров, принял закон, согласно которому каждая семья имела право не только обладать зе-

⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

⁷ Там же.

мельным наделом, но и по своему усмотрению продавать его или перепоручать управление им другому лицу. Разрушительное действие этого закона на Ликургову систему не идёт в сравнение даже с территориальными потерями, также подорвавшими мощь Спарты»⁸.

Сказанное Тойнби можно дополнить текстом Плутарха. Уже во времена Лисандра (современника Алкивиада), захватившего в войне с Афинами богатую военную добычу, в том числе золото и серебро, эфоры пытались запретить ввоз и использование в Спарте золотых и серебряных денег, а пользоваться только старинными, унаследованными от предков. «То были деньги из железа, которое прямо из огня опускали в уксус: после такой закалки металл нельзя было ковать, до того хрупким и ломким он становился. Кроме того, деньги эти при большом весе и размерах имели весьма малую стоимость, были очень тяжелы, их было трудно переносить с места на место... Постановлено было, однако, ввозить эти деньги только для государственных надобностей, если же они оказались у частного лица, ему грозила смерть. Как будто Ликург боялся денег, а не страсти к деньгам! Между тем последняя не только не была уничтожена запрещением, наложенным на частных лиц, но вследствие разрешения, данного государству, ещё более укоренилась: употребление денег давало понятие об их ценности и внушало желание их приобрести. Честный человек не мог презирать как безделку то, что, как он видел, пользуется уважением в государстве, и в собственном хозяйстве считать ничего не стоящим предмет, столь высоко ценимый в общественной жизни»⁹.

Есть поговорка: «История нас учит, что она ничему не учит и что гадание на кофейной гуще исторических событий позволяет увидеть что угодно в чём угодно». В действительности не история нас учит, а нам следует у неё учиться. Для тех, кто не считает случайной проводимую здесь историческую аналогию, поучительным может быть конец

Спарты. Ослабленная борьбой с другими греческими государствами и покорённая вместе с ними вначале фа-

лангами Александра Македонского, а затем афинянами, насильно включившими её в Ахейский союз, она по-детски радовалась дарованной римлянами мнимой свободе следовать законам Ликурга, и по-старчески тешилась воспоминаниями о былой славе Спарты. «Спарте оставалось жить мечтами о прошлом, предаваясь академической игре в архаизм. Но всё это было карикатурой на традицию».

Итак, чему же можно научиться, исследуя исторический эксперимент, поставленный в пробирке Пелопоннеса, как прообраз событий, развернувшихся на просторах современной Евразии? Не ожидает ли Российскую Федерацию жалкое существование в современном Ахейском (североатлантическом) союзе до тех пор, пока с какой-то из её бывших окраин или из её недр не вырвется охваченная *elan vital* (жизненным порывом) или пассионарностью какая-нибудь ныне безвестная «Македония», вдохновлённая древней, но не теряющей привлекательности идеей мирового господства, не обязательно военного, экономического, технологического, психологического или биотехнического, и поглотит и современную Спарту, и её противников? Во всяком случае, разложение «современной Спарты», Советской империи уже стало событием гораздо более значительным по своим последствиям, чем было разложение древней Спарты.

Конечно, любая аналогия хромает, но есть что-то мистическое в таком обилии совпадений, и если отнестись к ним всерьёз, то для понимания судьбы российской цивилизации остаётся решить, является ли современная западная цивилизация с её идеалами либерализма, плюрализма и демократии аналогом эллинистического периода истории древнего мира? Или же *Rex americana* следует соотносить с *Rex romana* времён Суллы, Лукулла, Помпея и Цезаря, с той разницей, что современные политики, в отличие от своих исторических прототипов, действуют не столько военными, сколько экономическими, политическими и идеологическими средствами, используют новейшие информационные технологии? В свете такой аналогии перспектива открывается незавидная, но понимание судьбы позволяет освободиться от исторических иллюзий и открывает возможность выра-

⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т., М.: Наука, 1994.

ботки нового представления о мире и собственном будущем. В этом и состоит задача современного образования, опирающегося на опыт истории.

* * *

Подведём итоги. В первой части нашего исследования выяснилось, что афинская демократия в лице лучших своих представителей формировала свой идеал воспитания политических деятелей, ориентируясь на принципы воспитания Персии и Спарты (какими они ей представлялись), по-видимому, желая преодолеть недостатки собственной государственности.

Во второй части мы непосредственно обратились к образу жизни спартиатов и рассмотрели причины их поражения и последующего политического и нравственного упадка и нежизнеспособности. Вместе с тем выявленная аналогия в характере и судьбе спартанской системы Ликурга и советской сталинской системы государственного устройства позволила нам задать перспективу дальнейшего существования российского государства.

В отношении вопроса, поставленного в начале статьи — Что может служить основанием содержания образования простых граждан, — можно привести высказывание Аристотеля: «Большинство государств, обращающих внимание лишь на военную подготовку, держатся, пока они ведут войны, и гибнут, лишь только достигают господства. Подобно стали, они теряют свой закал во время мира. Виноват в этом законодатель, который не воспитал в гражданах умения пользоваться досугом».

Слова Аристотеля — критическое осмысление образовательного идеала, разработанного Сократом и Платоном в условиях демократии, и возвращение к идеалу Перикла, их современника, провозглашённому им в начале Пелопоннесской войны, ставшей практической проверкой жизнеспособности образовательных идеалов. Напомним речь Перикла, в которой этот идеал был определён. «Мы отличаемся от наших соперников тем, что не изнуряем себя постоянными военными упражнениями, предпочитаем в нашей привольной жизни заниматься каждый своим делом, оставаясь го-

товыми бесстрашно встретить любую опасность, если таковая возникнет. Тот факт, что мы сохраняем нашу боеготовность не перенапряжением, а, живя свободно и раскованно, даёт нам двойное преимущество. Нас не понуждают готовиться к ужасам войны, но мы встречаем их столь же мужественно, как и те, кто постоянно поддерживает в себе эту готовность. Кроме того, мы наслаждаемся искусствами и развиваем свой разум, не поощряя изнеженности. Наши политики не чужаются домашних радостей, а те, кто посвятил себя делу, не утрачивают интереса к политике. Одним словом, я считаю Афинскую республику школой Эллады».

К сожалению, история Пелопоннесской войны показала, что ни Афины не имели перед Спартой больших преимуществ, ни Спарта перед Афинами в плане выживания, хотя соперники пытались не только бороться, но и учиться друг у друга и добродетели, и проведению досуга. Победителем, как известно, стал третий — Македония.

Итак, в первой части мы пришли к заключению о жизненной важности для государства воспитания гражданской добродетели, а во второй — к тому, что культивирование в гражданах этой добродетели ведёт государство к гибели в изменившихся исторических условиях. Вывод, читатель, за тобой! □